

Статья критика Ирины Шевелёвой посвящена последнему изданию видного русского поэта, кавалера ордена «Знак почёта» (1988) и ордена Дружбы (2010), Валентина Устинова – пятикнижию «Песчаный свиток» (пять циклов монопоэм), которое было удостоено Большой литературной премии России.

Пока русские поэты второй половины XIX века совершали подвиг поэтического возращения вечной, светлой украшенной и обильно цветущей Руси в современное бытие, Валентин Устинов, их соратник, избрал себе благой роль – насытить её русичами. «И прокипят звезду снегу, я меж веками вздымаю главу. Дальняя память – исток бытия. Или мой предок привстал, или я?»

В Москве конца 60-х годов впервые заговорили о неизвестном поэте с русского севера, вздохнул цитируя, перекладывая его стихи, – например, «Добытки». После трёхмесячной путины во льдах Белого моря рыбаки «и порешили: нынче будет пир»:

Винчестеры, винтовки, бескуровки,
Ножи фабричной и своей поковки
Стащили в склад
И заперли на ключ...

Привлѣк счастливо узнаваемый национальный характер – добрый, разумный и безудержный в пире и в битве. За долгу вдохновенную жизнь поэта немало его образов нерядовой поступью пришло в отечественную поэзию. Могучий дед, не приемлющий сокрушения, готовый заново выстроить свой необятный, посреди вод и небес, мир. Помори, среди штормовых волн раздвинулся догора, спасающие друг друга жаром собственных тел. Новгородская крестьянка, что и во сне косит траву. Вдова, возжелавшая омолодить зрелое тело колдовской росой иль разнотравья. Юная любимая поэта, познающая вѣную власть жизни. Ходит царь-девица Василиса «и подкову прячет под порог». Узнаваемое чудо страстной любви:

Посреди океанной России,
Там, где вихри дороги косили,
Мы друг друга прошли до конца.
И созвезья облачной нивы
Нам сияли надеждой венца.

Земная страсть преобразуется в национальное чувство, в молитвенность:

Милый Господи, жизнь подарил.
Там, где вихри дороги косили,
Мы друг друга прошли до конца.
И созвезья облачной нивы
Нам сияли надеждой венца.

Просто дыавальски стали дороги.
Просто нравственны черты и строги.
Просто холодно нынче любви.
И выходи у храмов пороги.
А вышка – по колону в крови.

Чувства дерзкие, буйные, рвущиеся на волю. Огромный вывороченный кусок земли с отражениями вихрей, дождей, звѣзд. Изумляющая новизна лирического сюжета, душевного разворота: «Нам бы душ перед смертью скрещены. Нам бы только вдвоём подышать...» В согласии со своим полным внезапности даром являет поэт образ и норос русского человека, его повадки и устои, сокровенное и высшее в нём. Несомненно, у каждого любящего поэзию Валентина Устинова есть свои, избранные, русские его образы. Выбор их ширится с возрастом поэта, увиденных им лиц, просторов, духовных концепций. Приближение в слове к реальной личности и одновременно к образу-мифу насыщает увлечённого, открытой душой внимающего читателя собственными, в нём тающимися родовыми свойствами, национальным самостоянием, причастностью к исторической и грядущей судьбе.

Судьба России в героях и героинях поэзии Устинова поразительно индивидуализирована. Можно сказать, это соборная судьба ярко самобытных героев. Судьба отца поэта, матроса балтийского флота, фронтовика, репрессированного и погибшего в лагерях. «Тебя отпевают метели по рошам, осенние ливни неделями плачут...»

...солнце
В обиде сини,
Жѣткое,
Как опцовский глаз.

Или просто опечалившая людей смерть доброго человека. «Вдруг народ заговорил: умер добрый человек». Деревня помнит его добрые дела, плачет подросток, – даже смертью отдал человек свою доброту отроку. Чтобы дальше нѣс.

Лирик по творческой природе, Устинов гармонично входит в живопись образных портретов, вступаая с ними в общение, в круговорот «всвободенной» поэтом родной, но ошеломляющей, порой пугающей, раздольной природы. Отсюда – простые люди, естественно живущие в полный рост в единстве разнотравья, вод, лесных и небесных краѣв, как выпевается в «Гимне Большой Северной Двине»:

Привет тебе, воды ведущая в море!
Прими нас на грудь, как в досильные бои
Снесла на груди новгородцев в Поморье
В извечном их поиске поля и воли.

Устиновскую долгую, с великодушным цветом, света, ветра, лугового, метельного духа строку не спутаешь ни с какой другой. Есть в ней – жизнь современной, вобравшей открытия русской и мировой поэтики, мощно метафоричной – старинное, праисторическое звучание, гомеровское, бованово... Здесь и национальный стих высшей пробы, и свой творческий голос; нечто вздымающее, возносящее на духовный свет пласты родной чудотворной земли:

А там, где огромные солнца июля
По дугам закатов янтарно-зелѣных

Нисходят на землю в малиновом гуле,
Пройди на прощанье огнѣм твоѣ лоно, –
Открой нам врата во вѣселюгу света,
В края, где сливаются зори в лазори,
Где белые ночи танцуют на льдинах...
Открой нам, великая, Белое море!

Но это только запев. Один за другим перед восхищенными взорами почитателей быстро ставшего известным поэта вспыхивают стихи в упруго художественной правде, сказочными дивами... Богатырские строки, строфы, поэзные сферы по плечу поэту, он ничуть под ними не надорвался, а лишь набрал силу, украсив ими живновосприятие сограждан. Вводя нас в свой образный вертоград, поэт исполняет наследственную работу бахари. Как в дальних поморских походах в миг уныния предок его: «заволил знаменитый бахарь золотые, как солнце, сказан». Устинов перенял золотую тайну сказов, переся их на бесконечные российские просторы. О чём бы ни пел, всегда у него свой затыльный, колдовской сюжет. Притом, это лирический сюжет. Проявление человека особой породы, выражающей ключевое родовое начало – «братчину»: «включе миром, чтобы жить нам лет по сто!»

Вот мы вспомню лишь причину
Той общественной судьбы.
То ли радость, то ли горе,
То ли прошлая война...

Может, просто проводили.
Может, кончилась страда...
Ах, да людям всё едино!
Выпьем – горе не беда!

Не отстранѣнно смотрит поэт-лирический герой на душевный мировой пир, он в поисках своего места, этнической ниши, частной своей судьбы, своего русского образа. И как же соответствует его лирическому «я» общий праздник от рассветных зорь до ночных звѣзд, от деревенского застолья до вселенского восславления жизни. «Словно не было предела морю звѣзд и морю глаз. Словно вся земля сидела за одним столом сейчас». Вот так живѣт поэт, «радуясь, свирепствуя и мучась» (Есенин) внутри природного произрастания Руси, воспевая её безмерность. Бывает он и заворожѣн всем живым, и одинок, с любовью, победой и отчаянием, порывами счастья и тоски, то величась, то не веря в свои силы. «И, пронизан сочувствием лютым, я, лицо над землѣй наклоня, крикну: – Люди! Поймите, вы – люди! Но они не постигнут меня».

Сын врага народа, не знавший материн, умершей в его младенчестве, в отроцкий период детдомовец, поэт бывал близок и к самоубийству. Острое чувство боли и одиночества пробило в душе его сквозную рану, окутало в глазах его жизненную окрестность. Суровые военные и послевоенные годы не очень подвигали и оставшуюся его родню на ласки. Но крестьянский род простѣр над сиротой руку заботы, помог ему выжить, вывел в люди. Суровыми и любящими стихами запечатлел их образы впоследствии поэт. Былины эти мужчины и в особенности женщины, «бабушка моя Анастасия», односельчане, соседи.

Ладный высокий красавец (какой русский поэт не красавец?) с русыми кудрями, поэт подвизался исполненным природного порыва к людям, стремления раскрыть им себя и их самих. Как определить его творческую цель? Пророчество? Учительство? Эпическое живописное закрепление образа русского мира? Определения не важны.

Но жарко оцутимо и зримо очевидно, что поэзия Валентина Устинова творится и живѣт как полнокровная стихия. В этой стихии идѣт развитие, художественное обогащение стиха.

Площадь жизненного и творческого (что едино у Устинова) обитания осваивалась им всплеск за всплеском, взмах за взмахом, двигаясь на запад и восток, «заежая» на соседские территории. Порывы поэта продиктованы не завоевательными – агрессивными, мстительными – инстинктом, даже в плане расширения национального духовного влияния на заокраинные, дальние для Руси территории. А великим любяществом к тому, насколько чужое может быть понятным, общим. Ключ – в былинных глубинах. Дольше дивит, как порождается русская плоть: «Сашка – юный рыбацкий бог, прирощѣнные мощь да удаля... В Сашке скиф и помор бурлят кровью дальних и ближних предков...» Образ юноши взрывается в поэме метафорическим пейзажем:

И вода,
Как трава,
Кинит,
И ничто из-под носа – с гудом,
Будто комья из-под копыт,
Разлетаются стаи уток...

Внимает поэт давним былинам о том, как ходили русские северяне «норвеги», как спорили соседи из-за жѣн. Как Олафу привѣз Варлам свою жену, им же самим убитую.

...Гранул голос трубою рока:
«Скандинав, я тебе невесту
Из Поморья привѣз ко сроку...»

А Олаф как раз шѣл в кирку венчаться с другой:

Он увидел ещѣ: меж свечек
Села дева – с огнѣм во взоре,

И вскричал – и лишился речи.
И шапку, обезумев, в море.

Видит горестными очами поэт невольничий рынок – Кафу: «...янычары и малюки через кафские торги прошли...»; самого себя проданным на европейские галеры: «только оспа, чума и холера выкупали из рабства меня».

Вот за эти и прочие вины
Я следил из дозорной травы,
Как с Мамоем пехоту надвинул
Генуэзцы на земли Москвы.

Кафа – это Феодисия, уютный крымский городок-курорт с музеем Айвазовского, славный героической защитой страны в Великую Отечественную. И ныне он не даёт забыть о себе отважными гражданскими деяниями. Но этническая память поэта пронзает его сердце горькой обидой на ту, сгинувшую Кафу. И, словно в эпическом сне, рука его всё вздымается на обидчика: «Я рубил на полях Куликовых генуэзцев पहले татар». Вот отпор и западу, и востоку. Да, не выкорчевать ненависть, воведущую в плоть и кровь испытываемого судьбой русского к тем, кто пытался сделать его рабом. Отсюда и притягательность для отечественных поэтов темы Куликовской битвы, нашего национального поведения в ней и после неё. Это тема нашей цивилизации, нашего загадочного этноса.

По многим родным (и не только) землям прошѣл лирический герой Устинова в постижении себя как человека своего мира. Чаше с распахнутой, готовой любить душой, восхищаясь героями других культур. И – всё чутче, осязаемей прозревая границы родного. И вот, выехал верхом устиновский герой с братьями-славянами в чистое Дикое поле: «Ещё Украины с Россией нет, а просто славянская Русь». «А справа Славутич – купельная гадь, а справа – Рязанский холм». Только здесь жить – значит гулять. Провидя общую судьбу:

НАСЕЛЯЮЩИЙ РУСЬ

Ещѣ нас с тобою пять раз казнят.
И десять – в полон возьмут.

Провидя грозную историческую дорогу:

Ещѣ я уйду к новгородцам –
Гой! –
Ужикую озорничать.
Ещѣ твоѣ сабли не раз душой
Взызвигнет на янычар.

Поэт даже не принял во внимание, что янычары – дети славянских пленников, гордость исламских армий. Да, ушкунчики – свои, янычары – чужие. А украинцы – братья, с кем едино отбили кровное жизненное, духовно освоенное пространство. Чтобы, не лелея мести: «Мы песнями, – спѣлыми, как зерно, – земные налѣм закрома». Поистине Валентин Устинов повеяет наше цивилизационное поведение, неизблемую основу нашей культуры, отличительную особенность русской цивилизации, воздействуя на планетный мир, распространяя на него своё. Это возможно лишь при постижении незнакомого, непохожего при всей нашей исторической образованности как свойстве насквозь прошедших планету русичей.

Именно в высокие мгновения творческого осознания плывит Устинов образы, метафорическую живопись в мощные классические слова поэта, становясь необычным и при этом естественным эпическим лириком.

В этом творческом состоянии появилась в нашей поэзии череда устиновских вещей, жанр которых он сам условно поименовал «короткая поэма». Новый жанр. Спрессованное до метеоритной тяжести, ёмкое, ярко блестящее каждой строкой лирическое повествование-драма. Не баллада, не эпическая поэма, – а скорее напоминающая стихотворение, легко доступная в прочтении «короткая поэма». Суть этих поэм – в расщеплении ядра событий, их причин, последствий, мистической предопределѣнности. Отсюда растянутость чувств и ситуаций в пространстве и времени, единичность формы, только для одного произведённая предначинанная. Словом – чудо. Кто знает, может быть, дивный жанр добыт Устиновым из поэтической древности. Или является продолжением спасѣнной традиции отечественного стиха. Главное, он примагничивает ключевые, судьбоносные моменты истории нации, личности, души. Разворачивает в неизведанное то, что уже затрагивалось другими поэтами. Так, в неизбежной теме орденовского ига поэт целостно спаял, волюно запечатлел жизненное поведение народа как этноса в войне, в труде, в любви, в мировоззрении, в родстве с природой.

Есть и нечто новое, выравшееся на волю в поэтических влѣтах Валентина Устинова. Не описание исторических событий в стихотворении-поэме «Чёрная Русь», а неотраимо магическое действо. Магичен каждый предмет древнего быта, старинные очертания его, каждый рисунок природы, каждый людской облик, каждое продиктованное душой движение, каждое событие и предчувствие, каждое пророчество русича-поэта. Дрожь таинственности и любви вызывает поэма с первых же строк: «Там за овинами – ельник пилой. Там за обиды – кистень под полой. Чёрная Русь – буерак да овраг...» Немало читателей Валентина Устинова счита-

Ратая скѣт из мечѣй сошники.
Степь засинеет парами полей.
Чёрная Русь – непомерная...
Гей!

Дивитесь: так, оказывается, мало слов, горсть всего, выпетая на едином дыхании. А как широко раскинулась поэма! До глубин сердца наши. Как искусно вылетены в неё образы людские, неразрывно, синхронно движущиеся события; далеко разносится громкий авторский голос, в котором слились шум, гром, бряцание и стон, и шѣпот. А построение! Незаметен переход от космической панорамы, историко-софского видения-размышления до прокопѣнного очага, до кующего характерный клинок Ратая, от ордынцев до княжеских статей, от гибели до победы. Магия!

В коротких поэмах Устинов изнутри распял тайну и явление огня, начав с вызывающего трепет запева: «Любимая, что снится вечерами? – когда в спирали запад и восток закручивают звѣзды над полями». Здесь проникновение своей сутью в космическое пространство – сильнейшую из всех поэтическую энергию. Но, чтобы энергия эта оживила потенциал автора, сколько пришлось испытать, преодолѣть препои его душе: «вся слизь и погань гибельных болот мешались, драли душу и одежду...»

Но я пролез – поверх, пониз и между.
И лёв ничком,
Душой, тоской, надеждой
Послав во тьму последний свой охлоп.

Поэма «Окликание звѣзд» сюжетно проста, как стрела – ввысь, в космос и обратно на землю. Не мешая сюжет волнам и хороводам чувств и встреч, необычных впечатлений. История создания поэмы таится поэтом от читателей, но просочилось его признание: это, или нечто близкое, было с ним на самом деле. Оттого ли не мешает в поэме слушать волю высших

НАСЕЛЯЮЩИЙ РУСЬ

сил, приобщаться к вечному? К главной лирической встрече? А в поэме «Огонь» – разветвлѣнное, многостречное блуждание по земным дорогам, с заходом в мир Запада. Русская всечеловечность... С единой жаждой – постичь любовь.

«Но ты скажи мне с вещею порога:
Где путь до той любви –
Сквозь жизнь и смерть?..» –
«А сквозз огонь, мялок, всего одна дорога».

Следует поэту по пути его поиска, а тоже открывала неожиданные пути постижения его творчества. Так, несколько лет назад мной была написана статья, – не первая моя работа об Устинове. Включю её в данное критическое повествование.

Русский Карлос Кастанеда и Дон Хуан в одном лице, или Окликающий звѣзды

Волшебное воздействие поэзии Валентина Устинова, конечно, не манипулирование особыми приѣмами практической магии. Поэтическая энергия чиста, исток её божествен. Несущий её свято предан творческому слову. Верит: как сказано, так и есть в жизни, ведь «слова поэта суть его дела» (Пушкин). Главное – в силе энергии, дарованной автору поэтических произведений. Поэт Устинов чувствует её несясаемость в себе. Оттого прочна в нём тяга к совершенствованию и в мастерстве, и в жажде постижения жизни. И тем безоглядной смелостью и зоркостью в даль и в глубину на новом бытийном уровне явил Устинов в новой своей книге стихотворений «Метельный храм». Впрочем, вновь гадаешь: стихотворений ли? Настолько ново взаимодействие лирического героя, стихотворца вроде вполне традиционных форм, с бытием.

В «Метельном храме» вновь странствие по тем же дорогам своей судьбы и Руси. Верный признак истинности дара. Устинов и на новом уровне художественного осмысления остаѣтся поэтом своей темы, своих героев, своих лирических песен. Вновь перед ним простор России и встреченные на просторе. Но это уже не знакомый нам спуск-вознесение к древнейшей сокровищнице к русской художественности, давшей, благословив, этносу заряд на века вперѣд. В творческом (может быть, неосознанном) стремлении прибавить к этому заряду собственный энергетический посыл. Тот же он, романтично «юный и босой», но – совсем уже на «ты» с любой бытовухой, как и с любой философской доктриной. «Когда я божжевал и плыл вдоль трассы...» В странствиях «с фритюрницей» каким «поджаристым» светом, девичьим очарованием «сомнительных» придорожных работниц окружил поэт жуткую ницету русского безвременья! И как естественно подхватил гражданский лиризм своих собратьев-поэтов, ныне умолкших:

Боже, Боже! Какая услада
Нам смотреть в беспощадный простор,
Где как будто ни склада, ни лада –
Но ликует лягушачий хор.

Постоят, повернуть понарошку
Про беспечную ницету Русь.
И с восторгом ступить на дорожку
По названью – Великая грусть.

Стихи – живая крепь, с есенинской рифмой, лягушачьим ликованием и дорожной грустью. А чем ещё ответить на угрозы угасания, ухода? Только усладой, простором, всеобещающим восторгом. Вдаль степляющимся словом. Тяжко теперь даѣтся оно поэту – труд для богатыря, героя... Одиноко ему в исто-

рической нови. Нет Юрия Кузнецова с его русской мыслью. «Попѣл и заплакал с тоски. Так русская мысль начинается». Ни Николая Рубцова с его кратким терпением, ни Есенина: «Это всё мне родное и близкое, от чего так легко зарыдать». Живущие сегодня соратники Устинова, его молодые подопечные следят за магическими победами его: «И моѣ морозное дыханье стало перьями орлиных крыл...»

И белый жар вытых из света слов
Летит вселенной сквозз мороз и суши...
И всем живущим соиздает души.

Я вижу: синеют хрустальные льды.
Вѣет струи водная проточка.
И в тайном бучиле восточной воды
Душа еѣ спит, как русалка.

...за космическим пиром метафор:

И Ориона зубчатые вилы
Метали концы снега на перрон.

Храма жаркая игла
На карминном склоне.
Золотые купола
Тают в красном звоне.

А за крыльцом толпится море...

Поэт упорно и неуклонно несѣт своё в нинах «горсионных полях».

С первых стихотворений поющей о любви, он всегда воспринимал её как земное колдовство, чудо. Доброе или недоброе в женском образе любви всегда окружено у него, овеяно всем загадочным в земном бытии, охвачено языками пламени, напрямую связано со смертными тайнами. Он вглядывается в то, как в спирали запад и восток закручивают звѣзды над полями, принимает раны, погибает и воскресает, выбрасывает в мир огненные строки. Любовь вызывает мысли о жизни, о космической природе человека. Но лишь на сегодняшнем витке художественного мировоззрения поэт представил реальные, доступные нашим ощущениям доказательства её прямого родства с космосом. Поражающее открытие: «...и открылось мне око вселенной», – очень откровенно, даже пугающе. Смело даже для буйно-любовной лирической поэмы. И – смело для любых мистических, естественнонаучных, философских изысканий. Так же, как и зов к первобытию:

А за ней – золотой первобытный птицей –
Жербец, искривави оранжевый глаз...

Знакомую метафору «кони – птицы» поэт могучей волей своей вернул в то бурное бытие, когда мчались, ползущие, летающие звери, птицы, рыбы взаимобрались друг в друга, вбрасывая в биосферу человека. Сказочное бытие. Трагическое сегодня – словно волк, что, притворяясь лосем, крадѣтся в городе по травматическим рельсам. В этом бытии погибает поэт, его жажда любви. Тоже – бытийно: «Меж кораллами Красного моря...»

Осторого пронизает нас горе...
Я погиб. Понимаешь? Погиб...

...Всѣ отдам за баклагу отравы,
За оземь без стыда и упрямь,
Что постыдной страстью зовут.

Чтоб шатались и падали дали,
Чтобы ветер наотмашь лулил.
Чтобы вороны в страхе кричали,
Чтобы люди меня презирали,
Чтобы я их ответно любил.

Но берѣзы стоят несмеяно.
Но течѣт бесконечно река.
Но сильны полуосинные страны.
Только рана, сердечная рана,
Глубока, глубока, глубока.

Вот поэтому с болью во взоре
Вспоминаю сверкающих рыб...

Человеческий эпос... Трудно преодлеваемые нестыковки повествования, события-поступков, природных реалий и даже красок. Требуется какой-то новый читательский глаз, чтобы охватить воедино кораллы и берѣзы, сверкающих рыб и орущих воронов. И не требуется иных органов для мгновенного восприятия-осмысления этой волшебной жизненной сути...

Много горького сказал Валентин Устинов в своей последней книге. Переключаясь, споря, доверяя себе преждемие. Но если раньше он в юной дерзости просил у смилго Господи лишь любовного свидания на краю земной жизни, то ныне сам – как от имени Божьего – пророчествует о великом свидании. Строками, внятыми в мироздание, говорит не о смерти, не о страсти – о Рождестве:

В деревушке, что за столом,
Нас облет хриплый пѣс.
В хлев войдѣм. А там – во стойле –
Улыбается Христос.

До чего тихо, кротко и под неярким зинним небом Отчизны.

Вот какой же снег глубокий –
Глубиной в две тщи лет.

Чем ещё увлечѣт нас поэт, окликающий звѣзды, населяющий Русь?

Но увлечѣт, увидит несомненно. Поэтической энергии достанет.

Славен поэт Валентин Устинов по городам и весям... Лучшей, самой надежной славой – устной. И будет время, когда назовут его великим. Вспомним, что именно поэты его поколения впервые – впервые! – назвали великим Есенина. Поэты, беззаветно верившие и верящие в мощь поэзии.